УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.33

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА СИСТЕМНОСТИ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯВЛЕНИЙ ОТГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

© А. Д. Тагильцева, В. Л. Ибрагимова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 229 97 21.

Email: tagiltseva.ann@yandex.ru

*В статье рассматриваются возможности использования принципа системности к изучению процессов и результатов развития лексики способом семантической и лексико-семантической деривации единиц. В конкретно-исследовательском плане это особенности отглагольной субстантивной деривации, которая происходила на протяжении истории лексики путем актуализации соответствующих абстрактных компонентов семантики глаголов, формирующих валентностный потенциал этих единиц, и вербально зафиксировалась в языке. Объект исследования – субстантивно-деривационные поля, сформировавшиеся вокруг генетически родственных глаголов русского и польского языков *молотить* и *młócić* со значением механической деструкции. Цель исследования – выявить и продемонстрировать системно предопределенный характер развития потенциала субстантивной деривации названных глаголов и их лексико-семантических вариантов, результаты их конкретно-языковой вербализации, установить особенности внутриязыкового и межязыкового параллелизма выявленных полей как в динамическом, так и в синхронно-семантическом аспектах, а также продемонстрировать изоструктурность абстрактной семантики глаголов-деривантов и их субстантивных дериватов, полевой характер организации субстантивно-деривационных образований, выступающих в языках как составные части соответствующих словообразовательных парадигм. Наряду с чертами общности в составе этих парадигм также выявлены единицы, характеризующиеся различиями этно-культурно-языковой природы. В результате исследования выделяются особенности системности семантических полей глаголов русского и польского языков, а также делаются выводы об их динамичной структуре и непрерывном характере их системного развития.*

Ключевые слова: системность, поле, семантика, отглагольный, субстантивный, статический, динамический, валентность, деривация, актантные компоненты.

Одно из явлений лингвистики XIX и, особенно, XX в. – все усиливающаяся концентрация внимания к синхроническому аспекту изучения языка, поиску и выявлению закономерных связей между отдельными его сторонами и единицами, все более углубляющаяся концепция системности и знаковости, что в первую очередь связывается с именами выдающихся лингвистов В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что язык, изучаемый с любой из его сторон, представляет собой сложную многоуровневую систему, каждый из уровней и подуровней которого также обладает свойством системности. Система языка – это «внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями, например, совокупность синтаксических моделей, свойственных данному языку и определяющих построение различных произведений речи» [1, с. 401]. Ф. де Соссюр, основоположник лингвистического структурализма, обогатил представление о системном характере языка представлением о знаковой природе его единиц. По мысли Ф. де Соссюра, языковой знак, представляя собой единое целое, состоит из означающего (акустический образ) и означаемого (понятие), которые неотделимы друг от друга, как две стороны бумажного листа [3, с. 16]. Идея знаково-

сти и системности языка, поддерживаемая многими учеными и научными школами как в аспекте дальнейшего развития и углубления теории, так и в плане практических исследований различных аспектов языка, разработки соответствующих исследовательских методов и приемов, в течение практически всего XX в. вылилась в целостную научную парадигму (системологическая парадигма). Разрабатывались различные уровневые концепции содержания языка как явления в целом. Одним из наиболее адекватных природе самого языка уровневых представлений его содержания является предложенная Л. М. Васильевым стратификационная модель языка как целостного системно-структурного образования. Л. М. Васильев рассматривает язык как трехслойную «систему систем», которая состоит из трех подсистем однородных единиц: фонетический слой (ярус), лексико-грамматический (формальный) и семантический. Каждый из этих ярусов состоит из уровней простых и сложных знаковых единиц, а также из единиц незнакового нулевого уровня. В свою очередь, уровни знаковых единиц выступают как в конкретном, так и в абстрактном виде, объединяясь соответственно в подуровни конкретных и абстрактных единиц [5, с. 27]. Таким образом, в предложенной Л. М. Васильевым общей стратификационной мо-

дели языка находит отражение многоуровневый характер объективной структурированности языка в соответствии с конкретной природой единиц каждого уровня.

Свойство системности пронизывает все области языка, в т.ч. и семантику. В попытке структуризации семантики лингвисты выводят такую крупную смысловую парадигму, как семантическое поле. Обращаясь к термину поле, мы исходим из понимания этого лингвистического явления, которое предложено Л. М. Васильевым: семантическое поле – это совокупность любого количества языковых единиц, связанных отношениями системности. Поле может обладать многомерной структурой и включать в свой состав образования разной природы. Выделяя, например, парадигматические семантические поля, Л. М. Васильев относит к ним «самые разнообразные классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам (семам или семантическим множителям): лексико-семантические группы слов (ЛСГ), синонимы, антонимы, совокупности связанных друг с другом значений полисемантического слова (семантемы), словообразовательные парадигмы, части речи и их грамматические категории» [6, с. 108]. «Объединяет их, несмотря на существенные структурные различия, то, что все они имеют в своей основе ту или иную семантическую категорию или категориальную ситуацию» [5, с. 126]. Семантическое поле может включать в себя как более мелкие полевые образования, так и само являться единицей более крупного, объемлющего полевого образования. Эта объективно существующая особенность языковых (и не только) систем находит отражение в понятии инклюзивности. Свойство инклюзивности усматривается и в отношениях отдельных единиц языка.

Наиболее ярко свойство инклюзивности языка демонстрируют феномены гиперонимии и гипонимии. Так, гипероним – это имя понятия, выражающего общую сущность явления, а гипоним именует понятие, выражающее подвид данного явления. В терминах логики эти единицы находятся в родовидовых отношениях. Языковая единица может одновременно являться и гиперонимом, и гипонимом. Например, существительное *овчарка* будет гипонимом по отношению к гиперониму *собака*. Но также *собака* будет гипонимом по отношению к гиперониму *животное*. Отдельная лексико-семантическая единица (слово/лексико-семантический вариант слова) также представляет собой образование полевой природы, поскольку его значение (сема) состоит из нескольких (не менее двух) более простых, элементарных семантических компонентов (сем). Семная структура таких единиц выявляется, как известно, методом структурного компонентного анализа с использованием приема семантических оппозиций.

Лексико-семантическая область языка, будучи связанной с миром внеязыковой действительности и в соответствии с его отражательной и коммуникативной природой, находится в постоянном развитии. В первоначальный, древнейший период своего исторического существования язык мог развиваться и развивался путем прямой номинации реалий окружающего человека достаточного ближнего мира (семья, первобытные социальные отношения, природа, примитивная деятельность, направленная на выживание и т.п.). В этот период человеку, уже не только мыслящему (*homo sapiens*), но и говорящему (*homo loquens*), достаточно было сравнительно небольшого количества звуков и звукокомплексов, количество и система которых до известных пределов пополнялись – также в соответствии с развитием знаний человека о мире действительности и с учетом, использованием этих знаний в своей повседневности. С течением времени имеющийся фонетический ресурс начал испытывать все большие затруднения и перегрузки в осуществлении деятельности номинации. Некоторое время фонетика выходила из этих затруднений путем внутрифонетических изменений и системных перестроек (например, развитие соотносительности по твердости / мягкости согласных, ряд закономерных, регулярных изменений согласных звуков в славянских языках). Однако язык не может решать задачи номинации за счет наращивания фонетического ресурса из-за угрозы утраты им способности к социальному функционированию. В качестве компенсирующего ресурса стали развиваться различные механизмы деривации, использование которых также подчиняется принципу системности, который в этом случае выступает как закономерность, регулярность, давление системы, действие «невидимой руки языка». Тем самым язык следует принципу отражения многомерно-системного характера отношений между реалиями в самой отражаемой и номинируемой области внеязыковой действительности. Таким образом, системность в этой области находит свое отражение в деривации, имеет динамический характер (поскольку деривация отражает процессуальную сторону отношений) и закрепляется как результат в языковом состоянии.

Один из способов деривации – это лексико-семантическое варьирование, т.е. развитие у слова новых значений, возникновение у него лексико-семантических вариантов. Таким способом язык вербализует так или иначе связанные явления внеязыкового мира, так что лексико-семантические варианты слова изначально выступают как некое семантическое поле, т.е. образование системно связанных единиц, некая внутрисловная парадигма. Развитие такой многозначности (полисемии) имеет мотивированный, «навязанный» особенностями номинируемого внеязыкового явления характер. «Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по

сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности» [15, с. 156]. Среди основных механизмов многозначности выделяют метафору и метонимию, являющиеся процессами семантической динамики словаря. Однако значения слова не равноценны, т.к. некоторые из них занимают однозначно доминирующие позиции по сравнению с другими. Первые значения могут возникать в сознании и при изолированном словоупотреблении, а вторые возникают, идентифицируются и могут интегрироваться при достаточно высокой социально-коммуникативной необходимости только в практике речевого функционирования, в составе контекста. Например: ср. *дочка* как «лицо женского пола по отношению к своим родителям» [11, с. 181] и *дочка «Газпрома»* как дочерняя компания. Полисемия – это процесс постоянного и непрерывного развития. Многозначное слово представляет собой особую вербально-понятийную сферу, семантическое поле, где все лексико-семантические варианты между собой системно связаны. «Многозначное слово представляет собой микросистему, в которой значения взаимосвязаны и взаимообусловлены» [13, с. 32]. Например, глагол *читать* принадлежит полю умственной деятельности, а глагол *копать* – полю физического действия.

С особенностями природы и структуры полевых образований связаны возможности их развития не только посредством семантической деривации, порождающей особые полевые образования – внутрисловные парадигмы, но и путем лексико-семантической деривации. Это внесловный процесс развития необходимых языку единиц – образование их путем использования морфологических средств. Подобные полевые образования традиционно именуются словообразовательными парадигмами, хотя в отношении деривации здесь вступают не слова, а их лексико-семантические варианты. Естественно, что результаты лексико-семантической деривации в этом случае различны. Наиболее выражен здесь лексико-деривационный потенциал основных значений глагольных единиц. Соответственно различие этих процессов получило обозначение как семантическая деривация (образование у слова новых значений – многозначность) и лексико-семантическая деривация (образование новых слов на базе слов и лексико-семантических вариантов слов). Таким образом, задачи обоих способов деривации одни и те же – пополнение лексико-семантической области языка в соответствии с социально-коммуникативными потребностями говорящих, а конкретные способы и их соотношения в языке, а также в разных языках различаются и могут дать интересные результаты.

Часть речи, в единицах которой обозначаются и вербализуются отношения между предметами и явлениями окружающей действительности, это глагол. Глагол обладает динамичной внутренней структурой, которая, как известно, может рассмат-

риваться как некое свернутое предложение. Глагол расширяет собственное семантическое поле, активизируя механизм деривационной морфологии, посредством внутриглагольной эксплицитной деривации (*делать* → *приделать*, *отделать*, *прodelать* и др.) и отглагольной эксплицитной деривации (*лечить* → *лекарь*, *лечебница* и др.). В данном исследовании мы обращаемся к отглагольной эксплицитной и имплицитной деривации, которая мотивирована синтаксической семантикой глагола. Предикат, находящийся в центре семантической структуры глагола, создает валентностный потенциал актуализации его абстрактных актантных компонентов. Например: *рисовать* → (что, чем, где), *бежать* → (на чем, куда, откуда) и т.д. Пользуясь таким приемом, в содержании глагольного слова можно выделить ряд объективно существующих в нем абстрактных семантических компонентов. Так, в семантике глагола *колоть* содержатся следующие абстрактные категории: sub, obj trans, obj instr, obj lok, которые в дискурсивном опыте получают соответствующую актуализацию. Например: *Отец колет дрова (топором) (в сарае)*. Глаголы действия обладают облигаторным семантическим актантом субъекта действия, т.к. данный компонент выражает факт деятельности. «Субъектом действия может быть только лексема с семантическим признаком "лицо" или "одушевленное существо"» [12, с. 89]. В данном случае слово *отец* является обозначением субъекта действия и реализует субъектно-актантную валентность глагола *колоть*. Прямым объектом является лицо или предмет, претерпевающий изменения. В составе данного высказывания прямо-объектную валентность глагола заполняет слово *дрова*. Семантический актант «инструмент» не всегда бывает выражен в составе высказывания, поскольку семантика инструментальности нередко оказывается вписанной в структуру семантики самого глагола действия в виде конкретной семы: инструмент действия «колоть дрова» конкретно уникален, это «топор», так же как «нож» в структуре действия, обозначенного глаголом *резать*. В составе высказывания это факультативные позиции, которые могут заполняться в случае, если орудием действия является необычный предмет. Например: *Отец рубил кустарник широкой лопатой*. В отношении локативно-объектной валентности глагола *колоть* можно рассуждать подобным же образом.

В языках морфологизированного строя, к которым относятся русский и польский языки, проанализированные актантные компоненты лексикализуются. Они находят свою актуализацию путем субстантивной отглагольной лексико-семантической деривации, результаты которой формируют субстантивно-деривационные поля. В нашем исследовании мы рассмотрим семантику и отглагольную деривацию этимологически соотносительной пары глаголов русского и польского языка *моло-*

туть/mlócić. Они относятся к лексико-семантической группе глаголов со значением механической деструкции объекта и содержат сему «повреждение (объекта)» посредством деструктивного воздействия на его физическую природу [10, с. 21; 14]. Глаголы деструктивной семантики имеют отношение к наиболее представительному и многочисленному в большинстве языков полю с общим значением действия, где наиболее типичным образом фиксируется общекатегориальная процессуальная семантика глагола как части речи. Выбор материала нашего исследования обусловлен обозначенными положениями.

Рассматриваемые этимологически соотносительные глаголы *молотить / mlócić* обладают свойством многозначности. Русский глагол *молотить* имеет четыре значения: «1) Выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др. (*молотить рожь*); 2) Ударять, колотить (*молотить в дверь кулаками*); 3) Подвергать сильному обстрелу, вести сосредоточенный и длительный обстрел (*артиллерия молотила по позициям противника*); 4) Говорить без умолку, болтать (*молотить всякую чушь*)» [2, с. 553]. Польский глагол обладает тремя значениями: «1) Отделять семена от колосьев, стручков и т. д., выбивая цепями или механически»; 2) Повторять, обсуждать вещи снова и снова, без цели, без необходимости; 3) Есть быстро, с аппетитом, с жадностью» [22]. Особый интерес представляют первые значения анализируемых глаголов, поскольку именно они обладают наиболее выраженным деривационным потенциалом.

Можно выделить несколько субстантивных дериватов, актуализующих субъектно-актантный компонент первого значения глагола *молотить*: *молотильщик* (также *молотильщица* в женском роде) с семантикой «тот, кто занят обмолом, молотьбой» (*молотильщики молотят снопы*) [8]. Словарь Даля также выделяет следующие лексемы, являющиеся диалектными: *Молоченик/молоченица, молотяга, молотила* с семантикой «кто молотит, бьет цепом, либо управляет молотилкой» [7]. Среди субстантивных дериватов второго шага производности с семантикой субъекта действия можно выделить диалектные лексемы *замолотчик/замолотчица* в значении «тот, кто замолачивает», образованные от глагола *замолачивать/замолотить* – «начинать/начать молотить, зарабатывать, отрабатывать молотьбой» [7]. Выделение субстантивов, образованных с помощью имплицитной гетерогенной деривации с идентичной или похожей семантикой, представляет определенную сложность. Можно отметить лексемы *работник, рабочий*. Однако они являются гиперонимами, поэтому для их полноценного функционирования необходимо сочетание с подходящей грамматической формой глагола *молотить* в составе высказывания (*работник / рабочий молотит*). Если процесс молотьбы происходит с помощью технических приспособлений, то

возможно употребление таких лексем, которые характеризуют субъекта действия, управляющего данными приспособлениями. Например, *аппаратчик* или *оператор*, но данные слова также нуждаются в наличии определенного контекста (*аппаратчик молотит, оператор молотилки*). Результатами имплицитной субстантивной деривации являются также лексемы, образованные на основе семантики способа действия: *задавальщик* и *подавальщик* в значении «тот, кто подает снопы в барабан молотильной машины» [8]. Единицы, связанные с глаголом отношениями имплицитной лексико-семантической деривации, мы рассматриваем здесь и далее исходя из соображений включенности их в состав соответствующего семантического поля.

В польском языке субъектно-актантный компонент актуализуется в нескольких лексемах, обладающих одной семантикой «тот, кто работает на молотилке; человек, молотящий зерно; молотильщик» [22]: *mlócarz, młócek, młockarz, młócarz*. Дериватом второго шага производности является существительное с семантикой субъекта *zmłócek* в значении «тот, кто работает с молотилкой; тот, кто обмолачивает зерно; молотильщик» [22]. Результаты имплицитной деривации семантически идентичны результатам гетерогенной деривации в русском языке – *pracownik* (работник), например, *pracownik młocarni* (работник молотилки), *operator* (оператор), например, *operator młocarni* (оператор молотилки).

Ранее, выделяя основные актантные компоненты глаголов физического действия, мы отметили также прямо-объектный компонент. Обращаясь к результатам лексико-семантической деривации, мы приходим к выводу, что указанный компонент находит актуализацию только посредством имплицитной деривации: например, *молотить зерно/ячмень/пшеницу* и т.д. Это связано с семантическим классом анализируемых глаголов. Действие глаголов, обладающих семантикой механической деструкции, сосредоточено на результате производимого действия. В данном случае субстантивная эксплицитная деривация глаголов с семантикой механической деструкции возможна в том случае, если в слове лексикализуется имплицитная семантика действия. Вследствие этого прямых субстантивных дериватов от глагола *молотить* не образуется. Можно указать только диалектное слово *молочанка*, в значении «пенька из сушеной в овине и вымолоченной конопли», которое предлагает словарь В. И. Даля [7]. Существуют дериваты второго и третьего шага производности, актуализующие объектно-результативный компонент: *обмолот, умолот, вымолот* с семантикой «количество зерна, полученное после молотьбы» [8]; *обмолоток, вымолотка* с семантикой «остатки после молотьбы; мякина» [2, с. 177]; сложное слово *сыромолот* в значении «зерно, обмоленное только после сушки в поле» [19]. Итоги имплицитной деривации,

актуализующей объектно-результативный компонент семантики глагола, могут выражаться сочетаниями гетерогенных дериватов, восполняющих валентность прямого объекта (*зерно, пшеница, ячмень* и т.д.), в сочетании с причастиями *обмолоченный, умолоченный*. Например: *обмолоченное зерно, обмолоченный хлеб* и т.д.

В польском языке результативно-объектный компонент глагола *mlócić* актуализуется в словах *mlóto* и *mlocie* с семантикой «отработанный продукт, получаемый при производстве пива, подсластителя; используется на ферме в качестве корма для крупного рогатого скота» [22]. Дериватами второго и третьего шага производности являются *omłot* и *omłotek* в значении «семена после обмолота, сбора урожая; обмолоченное зерно» [22]. Среди результатов имплицитной деривации можно выделить слово *ślodziny*, которое обладает идентичной семантикой с существительными *mlóto* и *mlocie*.

Глаголы механической деструкции, как уже отмечалось, содержат в своей семантике компонент инструментальности, который формирует соответствующую валентность. Рассматриваемая семантическая группа глаголов в большинстве случаев описывает действия, производимые в крупной промышленности и сельскохозяйственной практике, которые предполагают следующее: 1) конструктивные действия, вытекающие из действий деструктивного характера; 2) определенный масштаб и частотность проводимых мероприятий. Данные условия приводят к созданию особых орудий труда, облегчающих и ускоряющих процесс выполняемых действий. Инструментально-объектный компонент глагола *молотить* лексикализован в субстантивах, обозначающих ручную и машинную обработку сырья: *молотило* – «прикрепленная к длинной рукоятке цепа короткая палка, которой бьют по снопу при ручной молотье» [8]; *молотилка* – «машина для обмолота различных сельскохозяйственных культур» [8]; *молотильня* во втором значении «молотильная машина» [8]. Словарь В. И. Даля предлагает диалектизмы: *молотильник* – «вал в молотилке» [7]; *молотиловейка* – «снаряд, который молотит и веет хлеб» [7]; *молотяга* – «деревянный чурбан, усаженный деревянными зубьями с двумя оглоблями, в который впрягается лошадь, приводящая его в вращательное движение; употребляется для молотьи гороха» [7].

Среди дериватов второго и третьего шага производности имеются сложные слова, состоящие из двух корней. Например, *электромолотилка* – это обозначение молотильной машины, работающей от электричества. Также существуют ряд лексем, образование которых вызвано прямо-объектной семантикой: *льномолотилка, горохомолотилка, кукурузомолотилка, коноплемолотилка*. Семантически гетерогенными дериватами являются существительные *цеп* в значении «ручное орудие для молотьи, состоящее из длинной ручки и прикреп-

ленного к ней ремнем короткого деревянного била» [2, с. 1462], *било* во втором значении «ударная часть какого-либо механизма» [8], областное *навязень* с семантикой «то же, что и молотило» [19]. Также стоит отметить сложное образование *молотильная машина*.

В польском языке инструментально-объектный компонент актуализован в лексемах *mlocarnia, mlocarka, mlockarnia, mlócarnia* в значении «сельскохозяйственная машина для обмолота зерна, льна, бобовых и т.д.» [22]. Дериваты второго и третьего шага производности в ходе анализа выявлены не были. Среди гетерогенных дериватов можно отметить сложное сочетание *omłotowa maszyna* (молотильная машина), существительное *klepisko* в значении «часть молотильного аппарата» и *ser* в значении «инструмент для ручного обмолота зерна» [22].

Локативно-объектный компонент глагола *молотить* лексикализуется в слове *молотильня* в первом значении «помещение для молотьи» [8]. Существительных второго и третьего шагов деривации в ходе анализа выявлено не было. Стоит отметить лексикализацию локативно-объектного компонента, произведенную посредством имплицитной деривации. Здесь можно отметить слова *сарай, амбар* как наименование помещений, где может происходить процесс молотьи или где располагается молотильная машина. Если речь идет о процессе молотьи в промышленных масштабах, то в качестве гетерогенных дериватов могут быть выделены существительные *фабрика, завод, предприятие*. Большой толковый словарь русского языка предлагает лексемы *рига* с семантикой «большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота» [2, с. 1122], *гумно* во втором значении «крытая площадка для молотьи, ток» [2, с. 235], *овин* с семантикой «строение для сушки снопов перед молотьбой» [2, с. 695]. Словарь Д. Н. Ушакова предлагает диалектное существительное *клуня* – «хозяйственная постройка для молотьи и хранения хлеба» [19].

В польском языке локативно-объектный компонент посредством эксплицитной деривации не лексикализуется. Гетерогенными дериватами, актуализующими локативно-объектный компонент, можно считать лексемы *fabryka* (фабрика), *roślina* (завод), *browar* (пивоварня), если речь идет о крупной промышленности. Если это область сельского хозяйства, то можно отметить существительные *stodola* (амбар), *klepisko* в значении «амбар, где обмолачивают зерно» [22].

Итак, сделаем некоторые общие выводы. Анализ результатов реализации языком отглагольного деривационного потенциала этимологически и семантически соотносительных глаголов *молотить/mlócić* в контексте системности дает основания полагать, что соответствующие лексические подсистемы содержат в себе дериваты как семантической, так и лексико-семантической природы – соответст-

венно внутрисловные парадигмы и словообразовательные парадигмы (в традиционном обозначении). Содержание субстантивного комплекса этих подсистем изоструктурно содержанию актантного комплекса семантики глагола. Последний соответственно мотивирует развитие и вербализацию категориально лексической семантики субстантивов. Именно глагол и представляет собой ядро отглагольного субстантивно-derivационного поля. Следствием отмеченной особенности являются семантическое тождество и изоструктурность субстантивных комплексов рассмотренных подсистем. Рассмотрение здесь в составе соответствующих derivационных полей единиц гетерогенной природы продиктовано широким пониманием природы семантического поля, границы которого определяются исследовательскими целями и задаются семантикой системообразующего признака, т.е. семантикой ядерной единицы. Результаты семантического развития глаголов *молотить*/*mlócić* несколько различны, что связано с различиями социокультурного опыта русских и поляков. Важно отметить, что постоянные изменения, расширения, перестройки в лексико-семантической области языка мотивированы внешними по отношению к языку этно-социокультурными причинами, сами же языки предоставляют только средства для развития языков в направлениях, обеспечивающих реализацию их разнообразных функций.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Будагов Р. А. Из истории языкознания (Соссюр и сосюрианство): мат-лы к курсам языкознания / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: МГУ, 1954. 32 с.
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
- Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
- Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 105–113.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 09.11.2020).
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 09.11.2020).
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Нахрачева Г. Л. Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на мат-ле шурышкарского диалекта): дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2014. 166 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
- Падучева Е. В. Глаголы действия и их сочетаемостные свойства // Действие: лингвистические и логические модели / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 153 с.
- Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спецкурсу. М.: МГУ, 1980. 88 с.
- Разова Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-i-valentnost-glagolov-razrusheniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>. (дата обращения: 09.11.2020).
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1998. 260 с.
- Стыпула Р., Ковалева Г. В. Польско-русский словарь. М.: Русский язык, 1975. 840 с.
- Султанова А. П. Глаголы деструкции в русском и английском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. научная конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2004. С. 89–90.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. URL: <http://www.slovorod.ru/der-tikhonov/index.html>. (дата обращения: 09.11.2020).
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 09.11.2020).
- Фаткуллина Ф. Г. Деструктивная ситуация и способы ее репрезентации в русском языке // Доклады Башкирского ун-та. 2016. №2. С. 439–443.
- Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-destruktivnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke>. (дата обращения: 09.11.2020).
- Doroszewski W. Słownik języka polskiego. URL: <http://sjpd.pwn.pl> (дата обращения: 09.11.2020).

Поступила в редакцию 10.02.2021 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.33

POSSIBILITIES OF APPLYING THE PRINCIPLE OF CONSISTENCY TO THE STUDY OF THE PHENOMENA OF VERBAL DERIVATION

© A. D. Tagiltseva*, V. L. Ibragimova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 229 97 21.

**Email: tagiltseva.ann@yandex.ru*

The authors of the article discuss the possibilities of using the principle of consistency to study the processes and results of lexicon development by the method of semantic and lexical-semantic derivation of units. In terms of specific research, these are the features of verbal substantive derivation, which occurred throughout the history of lexicon by actualization of the corresponding abstract components of the semantics of verbs that form the valence potential of these units, and was verbally fixed in the language. The object of the study is the substantive-derivational fields formed around the genetically related verbs of the Russian and Polish languages *молотить* and *młócić* with the meaning of mechanical destruction. The aim of the study is to identify and demonstrate the systemically predetermined nature of the development of the potential of substantive derivation of the mentioned verbs and their lexical-semantic variants, the results of their specific-linguistic verbalization, to establish the peculiarities of the intra-linguistic and inter-linguistic parallelism of the identified fields both in dynamic and synchronous-semantic aspects, and also to demonstrate the isostructurality of the abstract semantics of generating verbs and their substantive derivatives, the field nature of the organization of substantive-derivational formations that act in languages as components of the corresponding derivational paradigms. Along with the features of commonality in the composition of these paradigms, units characterized by differences in ethno-cultural-linguistic nature are also identified. The study highlights the peculiarities of the systematicity of the semantic fields of verbs in Russian and Polish, and also draws conclusions about their dynamic structure and the continuous nature of their systematic development.

Keywords: consistency, field, semantics, verbal, substantive, static, dynamic, valency, derivation, argument components.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS, 2004.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. Comp. i gl. red. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint, 2000.
3. Budagov R. A. Iz istorii yazykoznaniya (Sossyur i sossyurianstvo): mat-ly k kursam yazykoznaniya [From the history of linguistics (Saussure and Saussurianism): materials for linguistic courses] / pod obshch. red. V. A. Zvegintseva. Moscow: MGU, 1954.
4. Vasil'ev L. M. Semantika russkogo glagola [Semantics of the Russian verb]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.
5. Vasil'ev L. M. Sovremennaya lingvisticheskaya semantika: ucheb. posobie dlya vuzov [Modern linguistic semantics: textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990.
6. Vasil'ev L. M. Voprosy yazykoznaniya. 1971. No. 5. Pp. 105–113.
7. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. URL: <http://slovardalja.net/> (data obrashcheniya: 09.11.2020).
8. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. Moscow: Russkii yazyk, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (data obrashcheniya: 09.11.2020).
9. Kustova G. I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya [The types of derived meanings and the mechanisms of language extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
10. Nakhacheva G. L. Semantika i funktsionirovanie glagolov destruktivnogo deistviya v khantyiskom yazyke (na mat-le shuryshkarskogo dialekta): dis. ... kand. filol. nauk. Khanty-Mansiisk: Yugorskii gos. un-t, 2014.
11. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. N. Yu. Shvedovoi. Moscow: Russkii yazyk, 1990.
12. Paducheva E. V. Deistvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli. Ed. N. D. Arutyunova. Moscow: Nauka, 1991.

13. Prokhorova V. N. Polisemiya i leksiko-semanticheskii sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke: lektzii po spetskursu [Polysemy and the lexical-semantic way of word formation in the modern Russian language: special course lectures]. Moscow: MGU, 1980.
14. Razova E. V. Semantika i valentnost' glagolov raz-rusheniya v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov: Tambovskii gos. un-t, 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-i-valent-nost-glagolov-razrusheniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>. (data obrashcheniya: 09.11.2020).
15. Smiritskii A. I. Leksikologiya angliiskogo yazyka [English lexicology]. Moscow: MGU, 1998.
16. Stypula R., Kovaleva G. V. Pol'sko-russkii slovar' [Polish-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1975.
17. Sultanova A. P. Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Mezhdunar. nauchnaya konf., posvyashchennaya 200-letiyu Kazanskogo universiteta (Kazan', 4–6 oktyabrya 2004 g.): Trudy i materialy / pod obshch. red. K. R. Galiullina. Kazan': izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004. Pp. 89–90.
18. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka. Moscow: Russkii yazyk, 1990. URL: <http://www.slovorod.ru/der-tikhonov/index.html>. (data obrashcheniya: 09.11.2020).
19. Ushakov D. N. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrashcheniya: 09.11.2020).
20. Fatkullina F. G. Doklady Bashkirskogo un-ta. 2016. No. 2. Pp. 439–443.
21. Fatkullina F. G. Kategoriya destruktivnosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa: BashGU, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-destruktivnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke>.
22. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. URL: <http://sjpd.pwn.pl> (data obrashcheniya: 09.11.2020).

Received 10.02.2021.